

DOI: 10.31696/S086919080036208-5

РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ШАХРИВАЙРОН В БУХАРСКОМ СОГДЕ¹

© 2025

К.С. ОКОРОКОВ ^a

^a – Институт археологии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7060-6313; okorokov.arx@mail.ru

Резюме: В 1961 г. Институтом истории и археологии АН УзССР на территории Узбекской ССР, в Бухарском оазисе на правом берегу реки Зеравшан, был исследован курганный могильник Шахривайрон, состоящий из семи земляных насыпей, компактно расположенных за пределами стены Кампыр-Дувал в окрестностях кишлака Тававис. Ряд признаков позволяет рассматривать население, оставившее этот и некоторые другие территориально близкие погребальные комплексы Бухарского Согда (Лявандак, Кую-мазар, Кызыл-тепе, некоторые захоронения могильника Хазара), в первую очередь как носителей погребальных традиций раннесарматской культуры. К моменту совершения захоронений сохраняются основные черты раннесарматского погребального обряда: погребения с подбоем под западной стенкой, южная ориентировка погребенных, помещение костей мелкого рогатого скота в качестве заупокойной пищи. Сохраняются и основные категории погребального инвентаря, но на его состав оказывает существенное влияние материальная культура согдийских скотоводов и земледельцев, что проявляется в появлении специфического керамического комплекса. Восточное влияние на материальную культуру, характерное для сарматского населения степного пояса Евразии во II в. до н.э. – I в. н.э., также выражено в рассматриваемых памятниках и проявляется в характерной ременной гарнитуре. Руководство работами осуществлял О.В. Обельченко, один из исследователей, наиболее последовательно отстаивающих тезис о сарматском происхождении определенной части скотоводческого населения, оставившего курганные могильники в Бухарском оазисе. Близкой, хотя и не идентичной точки зрения придерживалась М.Г. Мошкова, планировавшая серию работ по этой проблематике, что не было реализовано в полной мере. Благодаря коллекции бронзовых пряжек из могильника Шахривайрон, хранящейся в Музее народов Востока, а также фотографиям, рисункам и описаниям из личных архивов О.В. Обельченко и М.Г. Мошковой, в статье уточнены данные о курганном могильнике в целом, погребениях и погребальном инвентаре, опубликованных не полностью в силу различных причин.

Ключевые слова: Средняя Азия, Бухарский оазис, Согд, раннесарматские погребальные традиции, курганный могильник, погребальный обряд, подбойные погребения, кочевники, вооружение, пряжки

Для цитирования: Окорок К.С. Раннекочевнический могильник Шахривайрон в Бухарском Согде. *Восток (Oriens)*. 2025. № 5. С. 240–260. DOI: 10.31696/S086919080036208-5

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 122011200265-6).

THE EARLY NOMADIC BURIAL GROUND OF SHAKHRIVAYRON
IN BUKHARA SOGD

© 2025

Konstantin S. OKOROKOV ^a^a – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7060-6313; okorokov.arx@mail.ru

Abstract: *The Shakhriyayron burial mound was located in the territory of the Uzbek SSR, in the Bukhara oasis on the right bank of the Zeravshan River. Archaeological studies of the monument were conducted in 1961 by the Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. The burial ground consisted of seven earthen mounds. By the time the burials were completed, the main features of the Early Sarmatian funeral rite were preserved, such as burials with a lining under the western wall and the southern orientation of the buried. The main categories of burial equipment are preserved, but its composition is significantly influenced by the material culture of Sogdian pastoralists and farmers, which is manifested in the appearance of a specific ceramic complex. The work was supervised by O.V. Obelchenko, one of the researchers who most consistently defended the notion of the Sarmatian origin of a certain part of the pastoral population who left burial mounds in the Bukhara oasis. A similar, though not identical, point of view was held by M.G. Moshkova, who planned a series of works on this issue, which was not fully completed. The collection of bronze buckles from the burial ground kept in the State Museum of Oriental Art in Moscow, as well as materials from the personal archives of O.V. Obelchenko and M.G. Moshkova, which include unpublished photographs, drawings and descriptions, can be used to clarify information about burials and grave goods that were not fully published due to various reasons.*

Keywords: Central Asia, Bukhara oasis, Sogd, early Sarmatian funerary traditions, burial mound, burial rites, funeral burials, nomads, weapons, buckles

For citation: Okorokov K.S. The Early Nomadic Burial Ground of Shakhriyayron in Bukhara Sogd. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 5. Pp. 240–260. DOI: 10.31696/S086919080036208-5

На обширной территории Средней Азии и Казахстана известны многочисленные курганные могильники и одиночные погребения, погребальный обряд и инвентарь которых имеет параллели в сарматском мире Поволжья и Южного Урала. Значительное количество таких погребальных комплексов, относящихся к последним векам до нашей эры – первым векам нашей эры, исследовано на территории Бухарского Согда, в плодородной долине Зеравшана. Весомый вклад в археологическое изучение этого региона внес Олег Владимирович Обелченко, чьи первые раскопки были осуществлены в 1952–1953 гг., когда в целях рекогносцировки исследовались отдельные курганы в некрополях Лявандак и Кую-мазар. Материалы, полученные в ходе этих экспедиций, легли в основу кандидатской диссертации, защищенной в Ташкенте в 1954 г. В последующие годы раскапывались могильники на границах Бухарского оазиса – Кызыл-тепе, Шахривайрон, Калкансай и Хазара. В период с 1959 по 1967 гг. основные работы проводились на памятниках Самаркандского оазиса, и к широкому исследованию бухарских могильников О.В. Обелченко вернулся в 1970-е гг., когда были возобновлены раскопки куюмазарских (1975 г.) и лявандакских (1976 г.) курганов. К сожалению, материалы последних раскопок не нашли полноценного отражения ни в публикациях, за исключением краткой заметки в «Археологических от-

крытиях» [Обельченко, 1976, с. 532–533], ни в докторской диссертации О.В. Обельченко, посвященной исследованиям памятников Бухарского и Самаркандского оазисов и ограниченной временным промежутком 1952–1967 гг. В ней отмечается, что «материалы раскопок 1975–1980 гг. не внесли никаких существенных изменений в сложившиеся представления, а дали только увеличение количества материалов, подтверждающих высказанные ранее взгляды» [Обельченко, 1981, с. 3]. Неполнотой отличаются и публикации остальных курганных могильников, в которых зачастую отсутствуют внятные иллюстрации, что отчасти можно объяснить типографскими возможностями советского периода.

Целью статьи является публикация материалов могильника Шахривайрон с учетом неопубликованных ранее данных. Это стало возможным благодаря анализу довольно объемного корпуса информации о согдийских раннекочевнических погребальных памятниках, включающего в себя, помимо публикаций, коллекцию бронзовых пряжек из могильника и личный архив О.В. Обельченко, которые в настоящее время хранятся в Государственном музее Востока, а также папку с рисунками из личного архива М.Г. Мошковой, находящуюся у А.С. Балахванцева².

Архив О.В. Обельченко включает в себя значительное количество неопубликованных фотографий, карт, чертежей и рисунков, а также черновики статей и глав диссертаций.

Документы М.Г. Мошковой представлены прорисовками предметов погребального инвентаря, в сопровождении подробных описаний и промеров. Занимаясь всесторонним изучением сарматской проблематики, Марина Глебова в свое время посетила Бухарский музей, где ею были осмотрены и отрисованы керамические сосуды из Шахривайрона и других памятников, исследованных О.В. Обельченко, а также существенно уточнены и дополнены описания прочих археологических материалов. К сожалению, научные планы М.Г. Мошковой относительно полноценного изучения среднеазиатских памятников в контексте сарматской археологии в полной мере осуществлены не были, хотя отдельные общие положения и нашли выражение в публикациях. Судя по документам из ее личного архива, посещение Бухарского музея носило единичный характер (во всяком случае, для работы с согдийскими коллекциями), а сделанные там описания и прорисовки остались неопубликованными.

Таким образом, предлагаемая статья является синтезом всей доступной в настоящее время информации о могильнике Шахривайрон, как опубликованной ранее, так и неизвестной широкому кругу исследователей до настоящего времени. Кроме этого, для анализа отдельных категорий погребального инвентаря привлекаются современные материалы из памятников степного пояса Евразии раннесарматского времени.

ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКА

Курганный могильник Шахривайрон³ был выявлен за пределами стены Кампыр-Дувал (Девор-и Канпирак), в нескольких сотнях метров восточнее с небольшим отклонением к югу от одноименного раннесредневекового городища возле кишлака Тававис (*рис. 1*). Семь курганных насыпей находились недалеко друг от друга в цепочке, вытянутой с юго-запада на северо-восток. В 1961 г. было раскопано пять насыпей – № 2, 3, 4, 6, 7, нумерация кото-

² Выражаю благодарность зав. отделом истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока Государственного музея Востока к.и.н. С.Б. Болелову за организацию работы с коллекцией пряжек и архивом О.В. Обельченко, а также в.н.с., заведующему Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения РАН, д.и.н. А.С. Балахванцеву за предоставление возможности работы с документами М.Г. Мошковой.

³ Именно такое написание названия памятника, без дефиса, принято в Узбекистане в настоящее время.

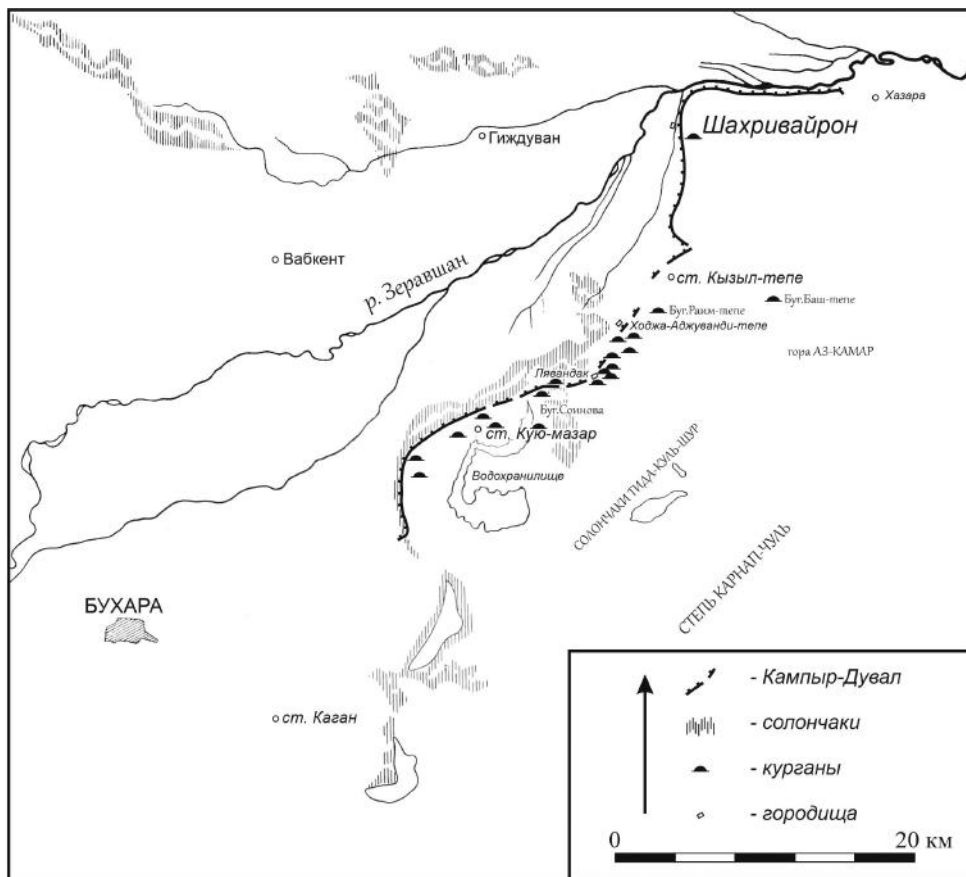

Рис. 1. Карта расположения курганных могильников в долине Зеравшана.

По материалам из личного архива О.В. Обельченко

Fig. 1. Map of the location of burial mounds in the Zeravshan valley.

Based on materials from O.V. Obelchenko's personal archive

рых осуществлялась с юга на север. Еще две насыпи (не исследованы) больших размеров находятся на полкилометра южнее этой цепочки, на значительном расстоянии друг от друга, одна – в степи, другая – ближе в валу Кампыр-Дувала. Все насыпи земляные, кроме кургана 1, чья насыпь сложена из мелкой гальки [Обельченко, 1992, с. 34–35]. Под каждой курганной насыпью находилось одно погребение. В четырех курганах выявлены подбойные погребения. Захоронение в простой яме и с северной ориентировкой покойного в кургане 3 относится к носителям другого культурного комплекса и в данной работе рассматриваться не будет.

В скобках возле некоторых предметов указаны коллекционные номера Бухарского музея, действительные на момент обработки археологической коллекции М.Г. Мошковой.

Курган 2 (рис. 2.1)⁴. Высота насыпи – 0,5 м, диаметр 10 м. На поверхности кургана встречены фрагменты керамического сосуда. Входная яма прямоугольной формы, ориентирована по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток. Размеры входной ямы на уровне дневной поверхности – 3,2×1,5 м. Глубина входной ямы – 1,7 м. В западной стенке сделан

⁴Рис. 2, 5 находятся на цветной вклейке.

подбой, шириной 0,5 м и высотой 0,5 м, дно на 0,4 м ниже дна входной ямы. Вход в подбой закрыт камышом. На дне подбоя находился скелет взрослого мужчины, лежавший вытянуто на спине, головой на юго-юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела.

В личном архиве М.Г. Мошковой находится рисунок небольшого горшочка высотой около 8 см, предположительно реконструированный из фрагментов, собранных на поверхности кургана 2, у автора раскопок он не фигурирует ни в одной публикации. Описание сосуда, сделанное М.Г. Мошковой следующее: лепной горшочек в обломках. Глина черная, очень рыхлая. С примесью шамота. Поверхность бугристая, неровная, лепка грубая. Место перехода венчика в тулово утолщено, а кое-где даже имеет вид воротничка (*рис. 3.1.8*).

Инвентарь погребения (*рис. 3.1*):

- справа от скелета, вдоль правой бедренной кости был уложен железный меч с коротким прямым перекрестием, без наконечника (*рис. 3.1.1*). На рукоятке фиксировались костяные накладки в форме пластинок. На линзовидном в сечении клинке сохранились остатки деревянных ножен. Общая длина составляет 96 см;

- возле рукояти меча находился шарик из мела с недосверленным каналом;

- чуть севернее острия меча, напротив правого коленного сустава выявлены три железных наконечника стрел (*рис. 3.1.5*). Наконечники черешковые, трехлопастные, с опущенными жальцами. Длина головок от 2,5 до 5 см;

- возле правой голени лежала керамическая чашеобразная курильница (*рис. 3.1.6*). Лепная, очень грубо сделанная, на изломе черная. Верхняя часть сформована отдельно, к ней грубо прилеплена ножка. Поверхность не заглажена. По внутренней поверхности курильницы проходят два концентрических вдавления – у дна и чуть выше по стенке. В глине примесь дресвы и растительных остатков (травы или соломы). Внутренняя поверхность закопчена, в ней обнаружены пепел и угольки. Высота – 9 см, диаметр венчика – 16 см, высота ножки – 3,5 см, диаметр ножки – 5,6 см;

- в северном конце подбоя располагался керамический кувшин⁵ (*рис. 3.1.9*). Сделан на гончарном круге из глины красноватого обжига. Покрит светло-серым ангобом плохого качества. Тулово кувшина широкое, переходит в короткое цилиндрическое горло с отогнутым наружу венчиком со скошенной губой. Переход от плечиков к горлу оформлен в виде уступа, пересекающего корень ручки. Ручка плоская в сечении, верхним прилепом крепится к венчику, нижним к плечу. Дно плоское, неровное, угол среза очень резкий. Глина красная, плотная, примеси не видны. На нижней части тулова по сырой глине очень глубоко прочерчен знак в форме креста с перекладиной вверх. Высота – 20,4 см, диаметр венчика – 9,6 см, диаметр дна – 13,4 см, максимальная ширина сосуда – 17,5 см;

- в горловину кувшина ножкой внутрь был помещен гончарный красноглиняный кубок⁶ (*рис. 3.1.7*). Внутри покрыт красноватым ангобом. Верхняя цилиндрическая часть отделена слабо выступающим бортиком от нижней конусовидной. Венчик слегка отогнут наружу. Нижняя часть оформлена в виде небольшого поддона с полукруглым углублением. Высота – 9 см, диаметр венчика – 9 см, диаметр поддона – 4 см;

- в северо-западном углу погребальной камеры находился железный нож с вогнутым лезвием и горбатой спинкой (*рис. 3.1.4*). Длина – 12 см;

- возле левой медиальной лодыжки погребенного лежала бронзовая пряжка⁷ из двух прямоугольных секций с перемычкой и неподвижным язычком, с общими размерами – 4×3,16 см (*рис. 3.1.2*).

⁵ Коллекционный номер Бухарского музея – А-873, здесь и далее коллекционные номера указаны согласно архиву М.Г. Мошковой.

⁶ Коллекционный номер Бухарского музея – А-908.

⁷ Коллекционный номер Государственного музея Востока – 50755 КП.

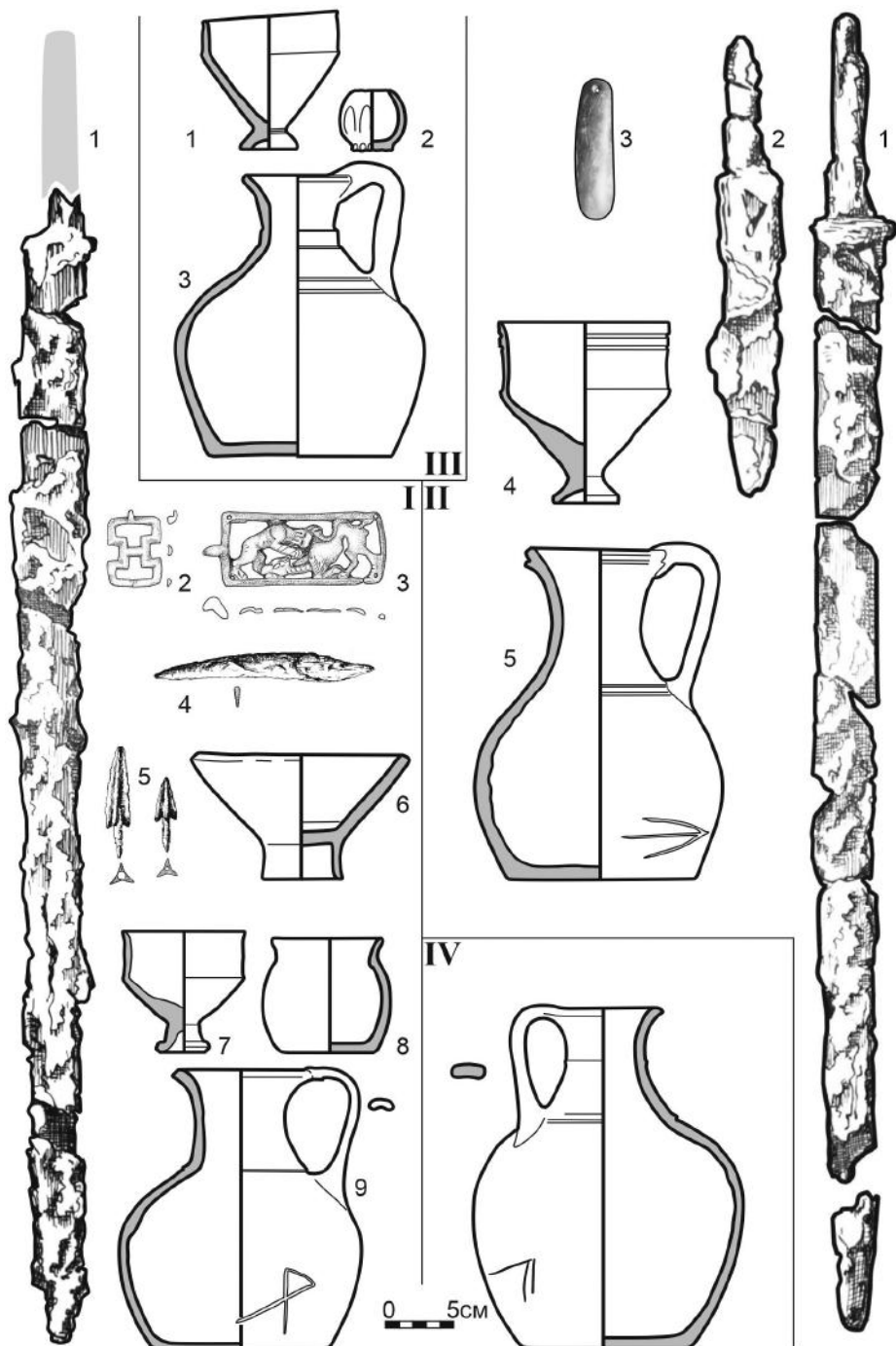

Рис. 3. Погребальный инвентарь: I – курган 2; II – курган 4; III – курган 6; IV – курган 7
 Fig. 3. Burial equipment: I – mound 2; II – mound 4; III – mound 6; IV – mound 7

– на левом крыле таза располагалась бронзовая зооморфная пряжка⁸ (рис. 3.I.3). В рамке изображена сцена терзания тигром верблюда. Крючок возвышается над рамкой слева, на стороне тигра. По четырем углам имеются отверстия для крепления к ремню. Отливка не очень качественная, и некоторые детали изображения непроработаны – отсутствуют хвост тигра, часть шеи верблюда под правой лапой тигра, а также часть живота верблюда возле бедер. Длина – 9,3 см, ширина – 4–4,26 см, ширина рамки – 0,3 см, максимальная толщина – 0,27 см, минимальная толщина – 0,07 см, высота крючка с рамкой – 1,3 см, крючок выступает за пределы рамки на 1,1 см.

– посередине тазовых костей отмечена костяная пластинчатая пряжка. Предмет разрушен, сохранилась бронзовая кнопка для застегивания. Судя по чертежу, предмет составлял пару пряжке со сценой терзания и был несколько меньших размеров, чем она;

– на тазовых костях находилась сильно корродированная железная круглая пряжка с подвижным язычком. На рамке и язычке фиксировались следы кожаного ремня;

– в северо-западном углу погребальной камеры, рядом с ножом были уложены кости мелкого рогатого скота.

Курган 4 (рис. 2.II)

Высота насыпи – 0,56 м, диаметр 12 м. В кургане исследовано два захоронения – основное и оссуарное (в хуме), находившееся в юго-восточной части курганной насыпи.

Входная яма основного погребения прямоугольной (по чертежу) формы, ориентирована по оси север-юг. Размеры входной ямы на уровне дневной поверхности – 3×1,2 м. В западной стенке сделан подбой шириной 0,8 м и высотой 0,4 м. Вход в подбой закрыт камышом. На дне находился скелет взрослого мужчины, лежавший вытянуто на спине, головой на юг. Руки погребенного вытянуты вдоль тела.

Инвентарь погребения (рис. 3.II):

– вдоль правой руки скелета был уложен железный меч с коротким перекрестием и обломанной верхней частью рукояти (рис. 3.II.1). На линзовидном в сечении клинке зафиксированы остатки деревянных ножен. Общая длина около 95 см, длина клинка – 81 см, ширина – 4 см;

– вдоль правой бедренной кости располагался железный кинжал без перекрестия и навершия (рис. 3.II.2). На линзовидном в сечении клинке зафиксированы остатки деревянных ножен. Общая длина около 34 см, ширина клинка – 3,5 см;

– на левой стороне таза был зафиксирован фрагмент прямоугольной железной пряжки плохой сохранности;

– возле головки левой бедренной кости находился каменный оселок (рис. 3.II.3). В верхней части сделано круглое отверстие для подвешивания. Длина – 10,5 см, ширина – около 3 см;

– в северо-западном углу погребальной камеры выявлен гончарный красноглиняный кувшин (рис. 3.II.5). Покрит светло-серым ангобом. Тулово кувшина переходит в прогнутое в средней части горло с профилированным венчиком. В глине примесь гипса. На нижней части тулова по сырой глине прочерчен стреловидный знак. Высота – 23,8 см, диаметр венчика – 10 см, диаметр дна – 14 см;

– возле кувшина находился гончарный кубок⁹ (рис. 3.II.4). Красноглиняный, покрыт красноватым ангобом. Верхняя цилиндрическая часть отделена от нижней конусовидной уступом. Поддон полый. Чуть ниже края венчика по окружности кубка проходят два углубленных желобка;

⁸ Коллекционный номер Государственного музея Востока – 50754 КП.

⁹ Коллекционный номер Бухарского музея – А-909.

– между кувшином и костями левой стопы были помещены кости передней ноги мелкого рогатого скота с лопаткой;

– среди костей животного находился серповидный железный нож с обломанной рукоятью.

Кургan 6

Высота насыпи – 0,4 м, диаметр 8 м. Входная яма ориентирована по оси север-юг, с небольшим отклонением к востоку. Размеры входной ямы на уровне дневной поверхности – 3,15×1,6 м. Глубина входной ямы – 1,85 м. В восточной стенке был сделан подбой шириной 0,7 м и длиной – 3,15 м, высотой 0,5 м. На дне находился скелет плохой сохранности, лежавший вытянуто на спине, головой на юг.

Инвентарь погребения (рис. 3.III):

– справа в ногах скелета находился гончарный кувшин (рис. 3.III.3). Покрит темно-красным ангобом. Дно плоское. Тулово кувшина широкое, переходит в низкое горло с отогнутым наружу профилированным венчиком. Переход от плечиков к горлу оформлен в виде двух уступов. Ручка плоская в сечении, верхним прилепом крепится к венчику, нижним к плечику. Высота – 20 см, диаметр венчика – 8 см, диаметр дна – 13 см;

– в горло кувшина, ножкой внутрь, был установлен гончарный кубок¹⁰ (рис. 3.III.1). Красноглиняный, покрыт красным ангобом. Форма ассиметричная. Верхняя цилиндрическая часть отделена слегка выступающим бортиком от нижней конусовидной. Нижняя часть оформлена в виде небольшого поддона с полукруглым углублением. Высота кубка – 9,4–10,2 см, диаметр венчика – 10 см, минимальный диаметр кубка – 2,4 см, диаметр поддона – 4,2 см;

– с правой стороны возле черепа находился лепной горшочек¹¹ (рис. 3.III.2). Красноглиняный, сверху покрыт коричневато-красным ангобом. Глина красная, плотная, с мелкими белыми и черными включениями. По тулову проходят широкие, чуть заметные, не очень симметричные канелюры. Возле самого дна сделаны неглубокие вдавления в виде небольших ямок. Высота – 4,4 см, высота канелюр – 2–2,5 см, диаметр венчика – 2,8 см, диаметр дна – 3 см, максимальная ширина сосуда – 4,7 см.

Кургan 7 (рис. 2.III)

Высота насыпи – 0,33 м, диаметр 8 м. Входная яма ориентирована по оси север-юг. Размеры входной ямы на уровне дневной поверхности – 3×1,5 м. Глубина входной ямы – 1,36 м. В западной стенке был сделан подбой шириной 0,8 м и высотой 0,5 м, дно на 0,65 м ниже дна входной ямы. Вход в подбой закрыт камышом. На дне находился скелет плохой сохранности, лежавший вытянуто на спине, головой на юг. Кисть правой руки уложена на грудь, кисть левой руки находилась на костях таза.

Инвентарь погребения (рис. 3.IV):

– у северной стенки погребальной камеры находился слегка ассиметричный красноглиняный кувшин. От применения гончарного круга поверхность волнистая. Покрит желтовато-красным/оранжевым ангобом. Тулово кувшина широкое, переходит в прогнутое в средней части горло с отогнутым наружу венчиком. Переход от плечиков к горлу оформлен в виде уступа. Овальная в сечении ручка чуть наискось крепится к венчику верхним прилепом, нижним к плечику. В средней части горла имеется валик. Дно плоское, неровное. На нижней части тулова по сырой глине глубоко прочерчен стреловидный (?) знак. Высота – 23 см, диаметр венчика – 8,2 см, диаметр дна – 12 см, максимальная ширина сосуда – 19,8 см;

– возле правого коленного сустава были уложены кости передней ноги мелкого рогатого скота.

¹⁰ Коллекционный номер Бухарского музея – А-906.

¹¹ Коллекционный номер Бухарского музея – А-911.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Все захоронения совершены под индивидуальными земляными насыпями, не ограблены. На поверхности кургана 2 обнаружены невыразительные фрагменты керамических сосудов; в кургане 4 в юго-восточном секторе было выявлено захоронение костей в хуме.

Форма земляных насыпей в плане приближается к окружности. Диаметр курганов от 8 до 12 м, высота от 0,33 до 0,56 м. Более массивные насыпи фиксируются над погребениями, содержащими оружие (курганы 2 и 4). Вероятнее всего, это погребения мужчин-воинов, обладавших высоким статусом.

Погребальные сооружения представлены подбойными могилами. Все они ориентированы меридионально или с небольшим отклонением к востоку (курган 6). Форма входных ям прямоугольная со скругленными углами¹²; длина 3–3,2 м, ширина 1,2–1,6 м. Подбойные ниши находились в западных стенках входных ям, за исключением кургана 6, где ниша была сделана в восточной стенке. Вход в подбой закрывался камышом. О.В. Обельченко отмечал, что подбой в восточной стенке в бухарских степях встречен впервые [Обельченко, 1992, с. 38]. Такое устройство могилы в Согде было обнаружено в ходе исследовательских работ 2018 г. в кургане SC-K17 могильника Кызыл-тепе [Ван и др., 2020, с. 90]. Погребение с подбоем в восточной стенке и южной ориентировкой погребенного известно в культурно и хронологически близком памятнике Пархай I в Южном Туркменистане [Хлопин, 1979, с. 81]. Подбой в восточных стенках (но с северной ориентировкой погребенных) в большом количестве представлены в погребениях Бешкентской долины [Мандельштам, 1966, с. 80–81].

Остатки деревянных конструкций или подстилок внутри погребальных камер не выявлены.

Все скелеты уложены параллельно длинным осям погребальных камер и ориентированы головами почти строго на юг. Существенных различий по половозрастному признаку в способе труположения не выявлено.

Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль тела, за исключением погребенного в кургане 7, чья правая рука согнута в локте под прямым углом и кисть уложена на грудь, а кисть левой руки лежит на тазовых костях.

Поскольку антропологических определений проведено не было, невозможно полноценно анализировать планиграфию памятника в контексте половозрастной принадлежности погребенных. Можно лишь отметить, что погребения с вооружением и поясными и портупейными пряжками, которые, судя по всему, являются мужскими, находятся под относительно массивными курганными насыпями в южной части могильника.

В северной части трех погребальных камер, у стоп (курганы 2, 4) или возле правого колена (курган 7) была зафиксирована погребальная пища в виде лопатки и передней ноги мелкого рогатого скота в сопровождении железного ножа.

Наиболее представленной категорией погребального инвентаря являются керамические сосуды (9 экз.). Кувшины, в чьи горловины были вставлены небольшие кубки, находились возле северных стенок погребальных камер, в ногах, недалеко от костей мелкого рогатого скота. Небольшой косметический (?) сосудик в кургане 6 лежал справа от черепа.

Возле правой голени погребенного в кургане 2 располагалась небольшая лепная курильница с угольками внутри.

¹² Если судить по чертежам, входные ямы имеют именно такую конфигурацию. В публикации они описаны как овальные, за исключением кургана 2, где входная яма представлена как прямоугольная [Обельченко, 1992, с. 34–38]. По всей видимости, это несоответствие является следствием механического переноса описаний выявленных при зачистке могильных пятен из полевого дневника в текст публикации.

К предметам вооружения относятся железные мечи, кинжал и наконечники стрел. Длинные железные мечи с коротким прямым железным перекрестием и без металлического навершия были уложены вдоль правой ноги (курган 2) или руки погребенных (курган 4), острием к стопам. Мечи были сняты с кожаных портупей, которые оставались на покойном; судя по находящейся у левой стопы пряжке в кургане 2, портупейный ремень был расстегнут и расправлен вдоль левой ноги. Возле острия меча в кургане 2 выявлено три железных наконечника стрел, возле правого бедра в кургане 4 лежал железный кинжал без перекрестия и навершия.

К предметам амуниции относились железные, костяные и бронзовые пряжки. На пояс погребенного в кургане 4 был каменный оселок.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Керамические сосуды. Посуда (рис. 4) обнаружена во всех четырех погребениях и представлена керамическими кувшинами с ручками (4 экз.) и кубками (3 экз.). Все они сделаны на гончарном круге. В погребениях сосуды находились между стопами погребенного и северной стенкой погребальной камеры, где также помещались кости мелкого рогатого скота и железные ножи.

Плоскодонные красноглиняные кувшины высотой 20–25 см покрыты светло-серым (курганы 2, 4), темно-красным (курган 6) или желтовато-красным ангобом (курган 7). На плечиках и горловинах прочерчены горизонтальные узкие желобки. В придонных частях трёх кувшинов по сырой глине до обжига были процарапаны значки в виде косоугольного креста и стреловидного знака.

Рассматриваемые кувшины находят аналогии в керамическом комплексе Тулхарского могильника в Северной Бактрии, датированного автором раскопок последней третью II в. до н.э. – началом I в. до н.э. [Мандельштам, 1966, с. 158]. А.М. Мандельштам, а впоследствии и Б.А. Литвинский, характеризуя материалы Северной Бактрии, отмечали, что одноручные кувшины имеют трудности с однозначной датировкой [Литвинский, Седов, 1984, с. 77]. Говоря о происхождении широкодонных кувшинов, А.М. Мандельштам сообщал, что они производились в местных мастерских на городищах, и делал осторожное наблюдение об их сходстве с керамикой кочевого населения северных областей Средней Азии [Мандельштам, 1975, с. 132–135].

Еще одна категория керамических сосудов в погребениях Шахривайрона – цилиндрические кубки на высоком усеченно-коническом или профилированном поддоне. Все кубки красноглиняные и покрыты красноватым ангобом, высота составляет 9–13 см. В археологической литературе к этой группе сосудов иногда применяется термин «бокалы» в качестве единственного определения [Мандельштам, 1966, с. 92–95]. В первой публикации памятника при описании одних и тех же предметов используются оба термина (и «кубки», и «бокалы»), следовательно, не выделяются и не рассматриваются никакие существенные различия между этими группами сосудов [Обельченко, 1992, с. 188–195]. Между тем, в настоящее время подобные формы правильно называть именно кубками. У кубков диаметр резервуара или равен его высоте, или превышает высоту резервуара. Бокалы — это другая форма, высота резервуара всегда значительно (в полтора-два раза) превышает его максимальный диаметр. Кроме того, у бокалов не бывает цилиндрического резервуара¹³.

В курганах 2 и 6 кубки помещены в горловины кувшинов, поддонами внутрь, тем самым закрывая их. Известен только один случай помещения кубка в горловину кувшина таким же

¹³ Благодарю С.Б. Болелова за это замечание.

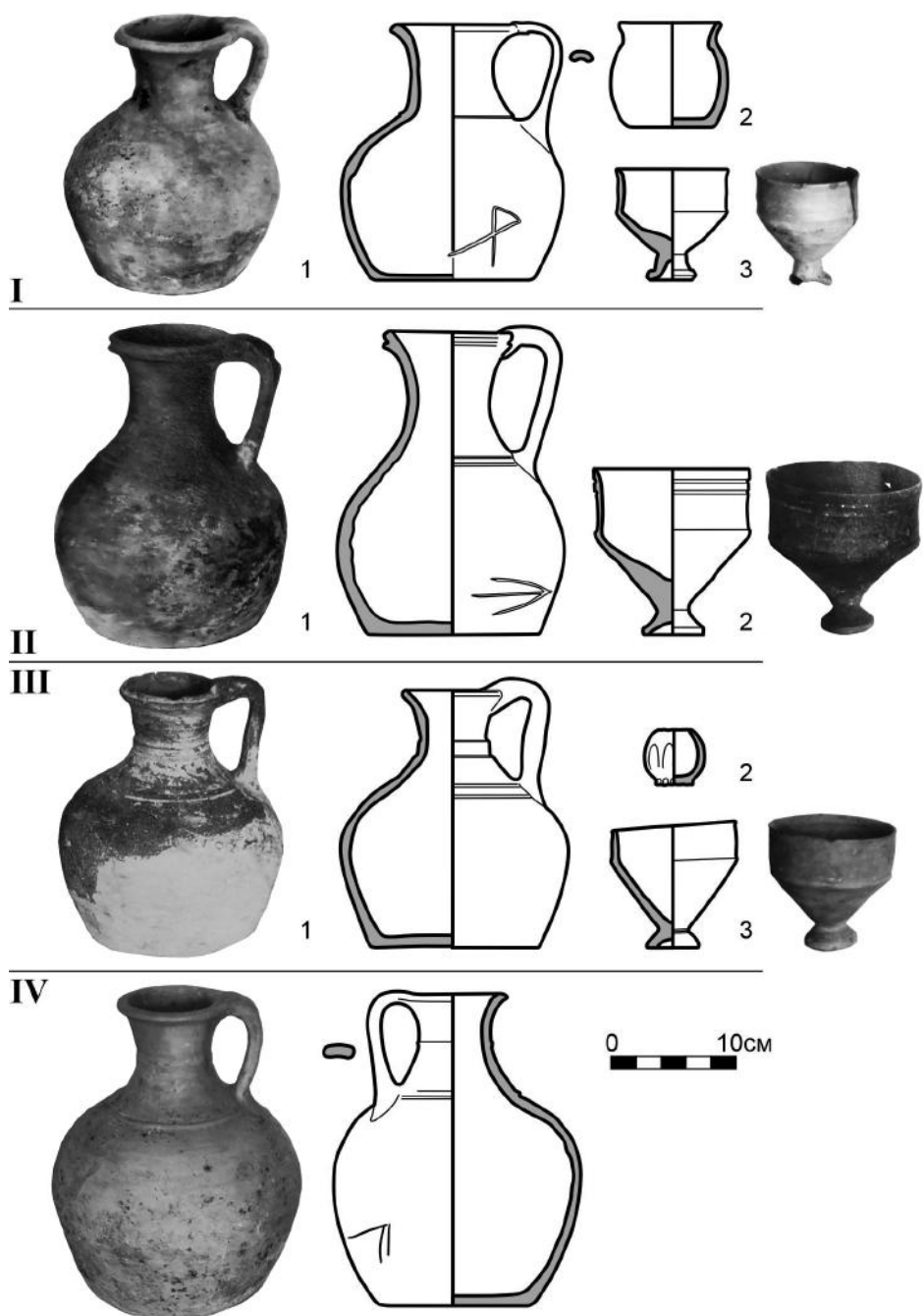

Рис. 4. Керамический комплекс могильника Шахривайрон
 Fig. 4. Ceramic complex of the Shahrivayron burial ground

образом – в кургане 9 группы V Тулхарского могильника, среди материалов которого присутствует значительное количество кувшинов и кубков аналогичных форм [Мандельштам, 1966, с. 41, рис. 20].

Ареал распространения кубков и бокалов довольно широк, они встречаются от Хорезма до Северной Индии и датируются последними веками до нашей эры – первыми веками нашей эры [Обельченко, 1992, с. 188]. В погребальных памятниках с раннесарматскими погребальными традициями на территории Средней Азии кубки и бокалы встречаются только в комплексах долины Зеравшана, включающих (помимо Шахривайрона) могильники Лявандак, Куя-мазар и Кызыл-тепе. Эволюцию этой категории керамической посуды по материалам из Кобадиянского оазиса и могильника Туп-хона попытался проследить А.М. Мандельштам, датировавший цилиндрические кубки последней третью II в. до н.э. – первой половиной I в. до н.э. [Седов, 1984, с. 176–177]. Б.А. Литвинский предлагал иную датировку для этой группы кубков, включающую первые века нашей эры, вслед за А.М. Мандельштамом признавая ее ранней относительно других [Литвинский, Седов, 1984, с. 75].

Миниатюрные сосуды представлены единственным предметом в кургане 6. Лепной сосудик, покрытый коричневато-красным ангобом, находился справа у черепа. Возле него был зафиксирован кусок черной краски. Этот сосудик относится к типу III по классификации К.Ф. Смирнова, представленному в погребальных памятниках раннесарматского и (реже) среднесарматского времени [Смирнов, 1973, с. 167–172, рис. 1].

Предметы вооружения. Мечи. Длинные железные мечи с коротким прямым железным перекрестием и без наверхия были обнаружены в двух комплексах – в курганах 2 и 4. Они были уложены справа от погребенных (рис. 3.I.1, 3.II.1).

Количество мечей в среднеазиатских кочевнических погребениях II в. до н.э. – I в. н.э. находится в пределах 40–50 экземпляров. Мечи с прямым перекрестием, без металлического наверхия – тип 1 по А.М. Хазанову [Хазанов, 1971, с. 17, 23], составляют 60 % всех среднеазиатских находок (около 30 экз.), почти половина из которых происходит из могильников долины Зеравшана.

На фоне других инноваций А.С. Скрипкин относит появление таких мечей в сарматских погребальных комплексах Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона ко второй половине II в. до н.э. – I в. до н.э. и связывает их с восточными культурными традициями [Скрипкин, 2001, с. 180–182].

Кинжал. Предмет из кургана 4 относится к типу 2 по А.М. Хазанову – с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в штырь (рис. 3.II.2). Появляясь у кочевников еще в скифскую эпоху, этот вид вооружения распространяется в ранне- и среднесарматское время, становясь ведущей формой в позднесарматскую эпоху [Сергацков, 2007, с. 63].

А.А. Тишкин и В.В. Горбунов отмечают, что на западе этот тип известен у сарматов с I в. до н.э. – I в. н.э., а на востоке – у хунну со II в. до н.э. – I в. н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006, с. 33; Хазанов, 1971, табл. X.1–3; табл. XI.4].

Наконечники стрел. Три железных черешковых трехлопастных наконечника стрелы с опущенными жальцами были зафиксированы в кургане 2, возле правого колена погребенного (рис. 3.I.5). В Согде такие наконечники встречаются почти в 60 % «раннесарматских» погребений. О.В. Обельченко полагал, что стрелы с опущенными жальцами существовали в Средней Азии со II в. до н.э. до рубежа эр. Б.А. Литвинский, рассматривая генезис железных стрел, предложил более широкие рамки существования этого типа – III–II вв. до н.э. – II–III вв. н.э. [Литвинский, 1965, с. 78].

Ременные гарнитуры. Пряжки из различных материалов находились в мужских погребениях с мечами и кинжалом (курганы 2 и 4). По своему функциональному назначе-

нию они разделяются на две группы – пряжки поясные и портупейные, что определяется как их морфологическими особенностями, так и положением в погребении относительно погребенного.

Бронзовая поясная пряжка с зооморфным изображением. На тазовых костях погребенного в кургане 2 находилась литая бронзовая пряжка со сценой терзания тигром двугорбого верблюда (рис. 3.1.3, 5.1–3). По углам пряжки сделаны круглые отверстия для крепления к кожаному ремню, на левой стороне имеется крючок для застегивания ремня. Сам встречный ремень, по всей видимости, продевался в пространство между бедрами тигра и рамкой. Производственный брак в области живота верблюда придает образу животного изящество и стройность, которая определенно не задумывалась мастером, но позволила автору раскопок сделать предположение о его видовой принадлежности [Обельченко, 1978, с. 72–73]. Дикий верблюд хавтагай более строен, чем бактриан, однако его горбы невыразительны, на них редкая шерсть. На голове, шее и плечах шерсть тоже очень редкая, в отличие от бактриана. На пряжке же густая шерсть верблюда в этих участках подчеркнута насечкой, сделанной резцом после отливки. Узда, изображенная у верблюдов на некоторых аналогичных пряжках, также позволяет говорить об изображенных здесь одомашненных бактрианах. Ближайшей аналогией является пряжка из кургана 16 второй юго-восточной группы могильника Лявандак¹⁴ [Обельченко, 1968, с. 53–56]. Качество лявандакской пряжки значительно хуже пряжки из Шахривайрона, однако при сравнении их абрисов не остается сомнений, что они обе имели один прототип, или даже отлиты по одному образцу.

Помимо рассмотренных выше, в настоящее время известно еще десять подобных предметов. География их распространения довольно широка и, помимо долины Зеравшана, включает в себя Южный Урал – Тастагым, Талдысай I (курган 5, погребение 1), Жусандую; Южное Зауралье – Каратомар (курган 1, яма 5А), Ванюши; Северный Казахстан – Карамурун II (курган 1); Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье – Кривая Лука VII (курган 9, погребение 28), Писаревка II (курган 6, погребение 2), Петрунино II (курган 1, погребение 4), а также западную часть Южного Прикаспия – Гхалекути II (погребение II)¹⁵.

Стилистические особенности зооморфных изображений на пряжках позволяют разделить их на несколько групп. На возможное существование таких групп впервые обратил внимание И.В. Сергацков, отметивший идентичность образов на пряжках из Карамуруна II и Петрунино II [Сергацков, 1990, с. 28]. Еще одна группа, включающая в себя пряжки из Каратомара, Жусандую и Писаревки II рассмотрена в работе А.М. Сеитова [Сеитов, 2020, с. 143]. Зеравшанские пряжки относятся к третьей стилистической группе, к которой принадлежит пряжка из Тастагыма, а также, предположительно, предметы из Талдысай I и Ванюш. О принадлежности предметов из Кривой Луки VII и Гхалекути II к одной из упомянутых групп судить сложно из-за особенностей (дефектов) литья и не вполне качественных прорисовок. Вероятно, они относятся к самостоятельным вариациям воспроизводства сюжета, о чем говорит, например, положение неподвижного язычка на другой стороне рамки.

Интересно, что прямоугольные бронзовые пряжки с изображением лежащего верблюда, которые, как правило, рассматриваются вместе с пряжками со сценой терзания, имеют несколько иную географию распространения. Помимо Средней Азии – Бабашовский могильник (ограда XIV) и Шаштепа (впускное погребение 2), они известны на юге Башкортостана – Ново-Калкашский II (курган 2, погребение 5), а основной их массив происходит из ком-

¹⁴ Место хранения – Государственный музей Востока – 50753 КП 5497 ДСК.

¹⁵ Акишев, 1976, с. 188, рис. 26; Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 2,4; Лукпанова, 2012, с. 147; Лукпанова, 2020, с. 1024; *Казахское искусство*, 2013, с. 128, рис. 280; Stöllner, Samašev, 2013, S. 774, Nr. 522; Логвин и др., 2019, рис. 2; Таиров, 2004, рис. 12.49; Маргулан и др., 1966, с. 364, рис. 64; Глебов, 2016, рис. 2; Мамонтов, 2002, рис. 2.11; Сергацков, 1999, рис. 1.2; Sono, Fukai, 1968, pl. LXXVII.8; XLV.8a–b.

плексов Нижнего Поволжья – Верхнее Погромное (курган 4, погребение 4), Белокаменка II (курган 7, погребение 3), Косика (погребение 26) и Нижнего Дона – Заливский (курган 1, погребение 9), Донской (курган 1/1991, погребение 21), Красногоровка III (курган 11, погребение 10), хутор Веселый (курган 2, погребение 6)¹⁶.

Костяная поясная пластинчатая пряжка. Находилась в кургане 2 посередине тазовых костей погребенного и составляла пару бронзовой зооморфной пряжке. Из-за плохой сохранности невозможно установить ее размеры. В первой публикации памятника отмечено, что сохранилась бронзовая кнопка для застегивания. Вероятно, рядом с кнопкой имелось широкое отверстие для продевания ремня, характерное для этого типа пряжек прямоугольной формы¹⁷.

Такие костяные пряжки прямоугольной или трапециевидной формы встречаются во II–I вв. до н.э. в других курганах Бухарского Согда, Бактрии, Хорезма, в раннесарматских погребениях Поволжья и Подонья, а также в памятниках хунну¹⁸. Иногда они декорированы циркульным орнаментом и косыми линиями, что может имитировать декор пряжек хунну, выполненных из гагата [Раев, 2017, с. 299]. Часто эти пряжки находились в погребениях с мечами, иногда составляя пару прямоугольной пряжке из другого материала.

Железная поясная пластинчатая пряжка. Фрагмент железной пластинчатой прямоугольной пряжки из кургана 4 был зафиксирован на левой стороне таза. О.В. Обельченко не приводит детального описания и промеров этого предмета, но судя по чертежу, его размеры сопоставимы с параметрами бронзовой зооморфной пряжки из кургана 2.

Портупейные пряжки. Возле левой медиальной лодыжки погребенного в кургане 2 находилась бронзовая пряжка с неподвижным язычком (выступом), рамка которой составлена из двух прямоугольных секций с Т-образными вырезами и перемычкой между ними (рис. 3.1.2; 5.4–6). Судя по положению в погребении, а также по тому, что на тазовых костях размещался полный парный комплект поясных пластинчатых пряжек, предмет относился к портупее для ношения меча, который был уложен справа вдоль костяка. Большинство восьмерковидных бронзовых пряжек (которые, по всей видимости, частично замещаются рассматриваемыми предметами) были уложены в соседстве с клинковым вооружением. М.Г. Мошкова, анализируя известные ей материалы, приходит к выводу, что данные пряжки служили для прикрепления меча или колчана к поясу или портупее, что не исключает их использования и в качестве поясной застежки [Мошкова, 1960, с. 297]. В качестве предположения о причине нахождения шахривайронской пряжки в ногах можно предложить, что в процессе совершения погребального обряда меч был снят с расстегнутого портупейного ремня, который был уложен вдоль ноги, пряжкой к стопе [Окозов, 2024, с. 170].

Ближайшей аналогией является предмет из Бешкентской долины – БМ-VI (погребение II/3). Такие пряжки известны также в погребальных комплексах Южного Урала – Увак (курган 5, погребение 8), Нижнего Поволжья – Аксай I (курган 15, погребение 19) и Нижнего Дона – Суходюдеровский II (курган 1, погребение 12)¹⁹. Примечательно, что еще в двух не потревоженных погребальных комплексах эти пряжки находились возле костей левой ноги – с внутренней стороны левой бедренной кости в ее верхней трети (Суходюдеровский II) или снаружи левого бедра, ближе к коленному суставу (Увак).

¹⁶ Мандельштам, 1975, табл. XXXIII.8–9; Филанович, 2010, с. 206–208; Шилов, 1975, рис. 39.10; Brosseder, 2011, fig. 38.2–3; Мордвинова, Шинкарь, 1999, рис. 4.17; Шилов, 1991, рис. 22.2; Глебов, Бабешко, 2012, рис. 1, 5; Королькова, 2006, табл. 53; Артамонов, 1949, рис. 18; Беспалый, Лукьяшко, 2018, рис. 99.3; Глебов, 2016, рис. 1–2.

¹⁷ О том, что пряжка именно прямоугольная, указано только в черновиках О.В. Обельченко.

¹⁸ Обельченко, 1956, рис. 5; Ван и др., 2020, рис. 14; Лунева, 2001, с. 121, рис. 2.1; Трудновская, 1979, рис. 4.39; Шилов, 1975, рис. 36.1; Глебов, 2023, с. 136, рис. 2.10–11; Давыдова, 1995, табл. 182.7.

¹⁹ Седов, Керзум, 1984, с. 124–125, рис. 2.4–5; Смирнов, 1975, с. 64–66, рис. 20.3; Клепиков, Дьяченко, 2010, с. 233, рис. 9.3; Безуглов, Глебов, 2014, с. 50–52, рис. 1.4.

Самые восточные находки этого типа пряжек происходят из Июсского клада в Северной Хакасии. Комплекс предметов, обнаруженных в бронзовом котле, разновременный и укладывается в хронологический промежуток от VIII в. до н.э. по начало I тыс. н.э. Интересующие нас пряжки исследователи относят к хуннским художественным бронзам II–I вв. до н.э. [Бородавский, Ларичев, 2011, с. 48, 202], среди которых и следует искать прототипы и параллели. Наиболее близкой аналогией данному варианту пряжек является трапецевидная поясная пряжка с неподвижным язычком из могильника Усть-Эдиган (курган 23), отнесенная к разряду II, разделу II, отделу Па, типу 8а по классификации С.С. Матренина [Матренин, 2017, рис. 9.66; 10.12]. Похожая пряжка, но с несколько иным конструктивным решением, находится в составе в Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, табл. XXIII.11]. Интересно, что на углах последней имеются заклепки, «которыми она была прикреплена к ремню», аналогичные которым имеются на пряжке из Таджикистана. Схожие контуры просматриваются в оформлении пряжки – случайной находки у села Абаканское и еще одной аналогичной пряжки, чье происхождение неизвестно [Дэвлет, 1980, табл. 18, 80–81]

Отдаленное родство усть-эдиганской пряжке прослеживается в предметах из Дырестуйского могильника II–I вв. до н.э. [Миняев, 2007, табл. 113.3] и елгинского погребения Цаган Хушун-II, участок “b”, комплекс № 23; могильник датируется авторами III–I вв. до н.э. [Харинский, 2014, с. 39–40].

Таким образом, можно констатировать, что бронзовая портупейная пряжка из кургана 2 относится к кругу изделий хунну или имеет хуннские прототипы. Сложно сказать, какое место занимал этот тип пряжек в системе амуниции носителей культуры хунну и/или на близлежащих территориях, поскольку находки из Июсского клада представляют собой комплекс с бессистемным набором разновременных предметов.

Железная портупейная пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком. Автором раскопок данная пряжка из кургана 2 лишь упомянута, что можно связать с ее плохой сохранностью²⁰. Пряжка находилась на тазовых костях [Обельченко, 1978, с. 69]. К ней прикрепили фрагменты кожаного ремня. Вероятно, данная пряжка относится к портупее, поскольку поясной набор представлен полным парным комплектом. Формы пряжек с подвижным язычком являются привнесенными и связаны с римскими традициями, появляясь после разгрома армии Красса при Каррах в 53 г. до н.э.; после рубежа нашей эры в азиатских древностях начинается повсеместное распространение таких пряжек [Шарапова, Малашев, 2022, с. 175].

Прочие категории погребального инвентаря

Погребальная пища. В северной части погребений фиксировались кости передних ног и лопаток мелкого рогатого скота. Кости отсутствовали в кургане 6, но отмечено, что сохранность человеческих костей была плохая, соответственно, кости животного могли быть полностью разрушены и не зафиксированы. Исследователями среднеазиатских древностей неоднократно отмечалось, что помещение костей мелкого рогатого скота в погребение является важной частью погребального обряда и восходит к сарматским традициям [Мошкова, 1963, с. 24; Ягодин, 1982, с. 55; Обельченко, 1992, с. 126; Горбунова, 2003, с. 60–65]. Например, для 50,1 % погребений Южного Урала III–I вв. до н.э. с костями мелкого рогатого скота в 42, 1% зафиксирована встречаемость костей ног или ног с лопатками, зачастую уложенных в ногах погребенного [Статистическая обработка, 1997, с. 184]. В Бухарском

²⁰ Не приводит О.В. Обельченко и ее изображения. В его личном архиве прорисовка пряжки с круглой рамкой и подвижным язычком, схожей с кратким тестовым описанием ремненной застежки в кургане 2, была обнаружена на листе ватмана с прочими предметами из этого комплекса и пряжками из других курганов, однако рисунки не подписаны.

Согде свыше 38 % «раннесарматских» погребений содержат кости передних ног мелкого рогатого скота с лопаткой в качестве погребальной пищи.

Ножи. Два железных ножа были обнаружены среди костей животных в курганах 2 и 4. Оба экземпляра имеют вогнутое лезвие и горбатую спинку, на ручках следы деревянного тлена. Помещение ножей вместе с заупокойной пищей в раннесарматских погребениях встречается довольно часто [Статистическая обработка, 1997, с. 186].

Каменные оселки. Один экземпляр с круглым отверстием у края находился в кургане 4, возле проксимального эпифиза левой бедренной кости погребенного. Судя по всему, оселок был подвешен к поясу.

Курильницы. Раздавленная чашеобразная курильница с цилиндрическим поддоном стояла возле голени правой ноги погребенного в кургане 2. Этот предмет К.Ф. Смирнов относит к типу VIII своей классификации, который существовал длительное время и известен в некоторых районах Средней Азии, а также в междуречье Волги и Дона в погребальных памятниках до III–IV вв. н.э. [Смирнов, 1973, с. 174, рис. 1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В могильнике Шахривайрон пересекаются устойчивые раннесарматские погребальные традиции, среднеазиатский керамический комплекс и предметы из восточного, хуннского мира. Характеризуя хронологическую позицию памятника, следует отметить, что датировка II–I вв. до н.э., предложенная О.В. Обельченко, соответствует современным представлениям о времени бытования представленных в могильнике категорий погребального инвентаря. Не противоречит она и современному взгляду на среднеазиатскую историю указанного периода в целом. Важно отметить, что нахождение железной пряжки с подвижным язычком и круглой рамкой в воинском погребении кургана 2 является аргументом к уточнению датировки могильника не ранее второй половины I в. до н.э. [Шарапова, Малашев, 2022, с. 175]. Необходимо, впрочем, учитывать, что этот предмет не сохранился, упомянут только в описании погребения, и не отмечен на чертеже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акбулатов И.М. Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля. *Уфимский археологический вестник*. 1998. Вып. 1. С. 121–137 [Akbulatov I.M. Novo-Kalkashsky II Kurgan Burial Ground on the Sterlya River. *Ufa Archaeological Herald*. 1998. Vol. 1. Pp. 121–137 (in Russian)].

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени. *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 183–195 [Akishev A.K. New Artistic Bronze Products of the Saka Period. *The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources*. Alma Ata: Nauka, 1976. Pp. 183–195 (in Russian)].

Артамонов М.И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. *Советская археология*. 1949. № 11. С. 305–335 [Artamonov M.I. Excavation of Mounds on the Manych River in 1937. *Soviet Archaeology*. 1949. No. 11. Pp. 305–335 (in Russian)].

Безуглов С.И., Глебов В.П. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Суходюдеровский II. *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. С. 28–31 [Bezuglov S.I., Glebov V.P. The Early Sarmatian Burial with Two Swords from the Sukho-Dyuderevsky II Burial Field. *The War and the Military in the Scytho-Sarmatian world. Proceedings of International Scientific Conference in tribute to the memory*

of A.I. Melyukova (*Kagal'nik*, 26–29 April 2014) Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2015. Pp. 28–31 (in Russian)].

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка (Материалы и исследования по археологии Юга России)*. Вып. I. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018 [Bespaly E.I., Lukiashko S.I. *The Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagalnik. Kurgan Burial Ground near the Village of Novoaleksandrovka (Materials and Research on the Archeology of Southern Russia)*. Issue I. Vol. 2. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2018 (in Russian)].

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Предметный комплекс Июсского клада. *Вестник НГУ. Серия: История, филология. Археология и этнография*. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 196–208 [Borodovsky A.P., Larichev V.E. Subject Complex of Iyus Buried Treasure. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011. Vol. 10. Iss. 7. Pp. 196–208 (in Russian)].

Ван Ш., Мирзаахмедов С., Штарк С. Раскопки курганов у оазисной стены Кампир Девор Бухарского Согда в 2018 году (Лявандак и Кызыл-тепа). *Археологические исследования в Узбекистане 2018–2019 года*. Самарканд: Самаркандский Институт археологии АН РУз, 2020. С. 62–72 [Wang Sh., Mirzaakhmedov S., Stark S. Excavation of Kurgans at the Oasis Wall of Bukharan Soghd in 2018 (Lyavandak and Kyzyl-tepa). *Archaeological Research in Uzbekistan 2018–2019*. Samarkand: Samarkandsky Institut Arkheologii AN RUz, 2020. Pp. 62–72 (in Russian)].

Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 69–79 [Glebov V.P. Buckles with Zoomorphic Images in the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region. *Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archeology*. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. Pp. 69–79 (in Russian)].

Глебов В.П. Пряжки и поясные бляхи Нижнедонской раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. *Региональные особенности хронологии и периодизации савроматских и сарматских культур*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2023. С. 134–148 [Glebov V.P. Buckles and Belt Plates of the Lower Don Early Sarmatian Culture, 2nd – 1st Centuries BC. *Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features*. Volgograd: Volgograd State University Publishing House, 2023. Pp. 134–148 (in Russian)].

Глебов В.П., Бабешко И.Г. Раннесарматское погребение с зооморфной пряжкой из могильника Красногоровка III. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* Вып. 26. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2012. С. 281–291 [Glebov V.P., Babeshko I.G. Early Sarmatian Burial with a Zoomorphic Buckle from the Krasnogorovka III Burial Ground. *Historical and Archaeological Research in Azov and Nizhny Don in 2010*. Vol. 26. Azov: Izdatelstvo Azovskogo muzeia-zapovednika, 2012. Pp. 281–291 (in Russian)].

Горбунова Н.Г. О погребальной пище в могильниках скотоводов Средней Азии. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 2003. № 36. С. 60–67 [Gorbunova N.G. Funeral Food in the Burial Grounds of Cattle Breeders of Central Asia. *Archaeological Papers of the State Hermitage Museum*. 2003. No. 36. Pp. 60–67 (in Russian)].

Давыдова А.В. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. 1. Иволгинское городище. Вып. 1. СПб: Петербургское востоковедение, 1995 [Davydova A.V. *Ivolginsky Archaeological Complex*. Vol. 1. *Ivolginsky Settlement*. Iss. 1. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1995 (in Russian)].

Дэвлет М.А. *Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э.* М.: Наука, 1980 [Devlet M.A. *Siberian Belt Openwork Plates of the 2nd century BC – 1st century AD*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Казахское искусство. Т. I. Древнее искусство. Алматы: Елнур, 2013 [Kazakh Art. T. I. Ancient Art. Almaty: Elnur, 2013 (in Russian)].

Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Раннесарматские погребения Есауловского Аксай. *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. М: ТАУС, 2010. С. 218–236 [Klepikov V.M., Dyachenko A.N. Early Sarmatian Burials of the Yesaulovsky Aksai. *Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories*. Moscow: TAUS, 2010. Pp. 218–236 (in Russian)].

Королькова Е.Ф. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006 [Korolkova E.F. *Animal Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals in the Scythian Era (VII–IV centuries BC). Problems of Style and Ethnocultural Affiliation*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006 (in Russian)].

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. *Советская археология*. 1965. № 2. С. 75–91 [Litvinsky B.A. Central Asian Iron Arrowheads. *Soviet Archaeology*. 1965. No. 2. Pp. 75–91 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Седов А.В. *Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд*. М.: Наука, 1984 [Litvinsky B.A., Sedov A.V. *Cults and Rituals of Kushan Bactria. Funeral Rite*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар. *Маргулановские чтения*. Нур-Султан: Globus, 2019. С. 316–327 [Logvin A.V., Shevnina I.V., Seitov A.M. The Early Sarmatian Burial of Kurgan 1 of Karatomar Burial Ground. *Margulan Readings*. Nursultan: Globus, 2019. Pp. 316–327 (in Russian)].

Лукпанова Я.А. Исследования памятников раннего железного века на территории Западно-Казахстанской области в свете одного десятилетия. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2012. № 1. С. 142–156 [Lukpanova Ya.A. Research of Monuments of the Early Iron Age in the West Kazakhstan Region in the Light of One Decade. *Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan*. 2012. No. 1. Pp. 142–156 (in Russian)].

Лукпанова Я.А. Об изучении памятников раннего железного века Степного Приуралья (2002–2020). *Мир большого Алтая*. 2020. № 6(3). С. 1022–1033 [Lukpanova Ya.A. About Study of the Monuments of the Early Iron Age in the Steppe of Ural (2002–2020). *World of Great Altai*. 2020. No. 6(3). Pp. 1022–1033 (in Russian)].

Лунева В.В. Ювелирные украшения из Кампыртепа. *Материалы Тохаристанской экспедиции*. 2001. Вып. 2. С. 113–128 [Luneva V.V. Jewelry from Kampyrtep. *Materials of the Tokharistan Expedition*. 2001. Iss. 2. Pp. 113–128 (in Russian)].

Мамедов А.М., Виноградов С.М. Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область). *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. С. 102–106 [Mamedov A.M., Vinogradov S.M. Catacomb Burials of the Early Iron Age of the Taldysai I Burial Ground (Aktobe Region). *Ethnic Interactions in the Southern Urals*. Chelyabinsk: Izdatelsky tsentr YUUrGU, 2009. Pp. 102–106 (in Russian)].

Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II. *Нижневолжский археологический вестник*. 2002. Вып. 5. С. 251–259 [Mamontov V.I. Sarmatian Burials from the Pisarevka II Burial Mound. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2002. Iss. 5. Pp. 251–259 (in Russian)].

Мандельштам А.М. *Кочевники на пути в Индию*. Л.: Наука, 1966 [Mandelstam A.M. *Nomads on the Way to India*. Leningrad: Nauka, 1966 (in Russian)].

Мандельштам А.М. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии*. Л.: Наука, 1975 [Mandelstam A.M. *Monuments of Kushan Nomads in Northern Bactria*. Leningrad: Nauka, 1975 (in Russian)].

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата: Наука, 1966 [Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. *Ancient Culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 1966 (in Russian)].

Матренин С.С. *Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2017 [Matrenin S.S. *Equipment of the Nomads of Altai (the 2nd century BC – 5th century AD)*. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2017 (in Russian)].

Миняев С.С. *Дырестьуйский могильник. Археологические памятники сюнну*. Вып. 3. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2007 [Minyaev S.S. *Derestuj Burial Ground. The Archaeological Monuments of the Hsiung-Nu*. Iss. 3. Saint Petersburg: Filologicheskyy fakultet SPbGU, 2007 (in Russian)].

Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *Нижневолжский археологический вестник*. 1999. Вып. 2. С. 138–148 [Mordvintseva V.I., Shinkar O.A. Sarmatian Ceremonial Swords from the Collections of the Volgograd Regional Museum of Local History. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 1999. Iss. 2. Pp. 138–148 (in Russian)].

Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. *Древности Нижнего Поволжья*. М: Изд-во АН СССР. 1960. Том 2. С. 293–307 [Moshkova M.G. Early Sarmatian bronze buckles. *Antiquities of the Lower Volga Region*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. Volume 2. Pp. 293–307 (in Russian)].

Мошкова М.Г. *Памятники прохоровской культуры*. М.: Изд-во АН СССР, 1963 [Moshkova M.G. *Monuments of Prokhorovka Culture*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963 (in Russian)].

Обельченко О.В. Кую-мазарский могильник. *Труды института истории и археологии АН Узбекской ССР*. 1956. Т. VIII. С. 205–227 [Obelchenko O.V. Kuyumazar Burial Ground. *Works of the Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. 1956. Vol. VIII. Pp. 205–227 (in Russian)].

Обельченко О.В. Лявандакская пряжка (к истории ранних кушан). *Общественные науки в Узбекистане*. 1968. № 8. С. 53–56 [Obelchenko O.V. The Lyavandak buckle (on the history of the early Kushans). *Social Sciences in Uzbekistan*. 1968. No. 8. Pp. 53–56 (in Russian)].

Обельченко О.В. Раскопки Куюмазарского могильника. *Археологические открытия 1975 г.* М.: Наука, 1976. С. 532–533 [Obelchenko O.V. Excavations of the Kuyumazar burial ground. *Archaeological Discoveries of 1975*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 532–533 (in Russian)].

Обельченко О.В. Шахривайронская пряжка. *История и археология Средней Азии*. Ашхабад: Ылым, 1978. С. 68–81 [Obelchenko O.V. Shakhriyairon Buckle. *History and Archaeology of Central Asia*. Ashgabat: Ylym, 1978. Pp. 68–81 (in Russian)].

Обельченко О.В. *Культура древних кочевников долины Зарафшана: По материалам раскопок курганов VII в. до н.э. – VII в.н.э.*: диссертация на соискание степени доктора исторических наук, 1981 [Obelchenko O.V., 1981. *The Culture of the Ancient Nomads of the Zarafshan Valley: Based on the Materials from Mounds of the 7th century BC – 7th century AD*. DSc Thesis. 1981 (in Russian)].

Обельченко О.В. *Культура античного Согда*. М.: Наука, 1992 [Obelchenko O.V. *The Culture of Ancient Sogd*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].

Окорков К.С. Новая категория предметов восточного происхождения в сарматских памятниках II–I вв. до н.э. *Краткие сообщения института археологии*. 2024. Вып. 277. С. 165–174 [Okorokov K.S. A New Category of Oriental Items in the Sarmatian Sites of the 2nd–1st Centuries BC. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2024. Iss. 277. Pp. 165–174 (in Russian)].

Раев Б.А. Гагатовые пряжки из Жutowского могильника. Археологические признаки миграций. *Ex Ungue Leonem*. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 291–305 [Raev B.A. Jet Buckles from Zhutovsky Cemetery. Archaeological Signs of Migrations. *Ex Ungue Leonem*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 291–305 (in Russian)].

Руденко С.И. *Сибирская коллекция Петра I*. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9. М.–Л.: Искусство, 1962 [Rudenko S.I. *Siberian Collection of Peter I*. Collection of archaeological sources. Issue D3-9. Moscow–Leningrad: Iskustvo, 1962 (in Russian)].

Седов А.В. Керамические комплексы Ай-Ханумского типа на правобережье Амударьи. *Советская археология*. 1984. № 3. С. 171–180 [Sedov A.V. Ceramic Complexes of the Ai-Khanum Type on the Right Bank of the Amu Darya. *Soviet Archaeology*. 1984. No. 3. Pp. 171–180 (in Russian)].

Седов А.В., Керзум А.П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г. *Археологические работы в Таджикистане*. 1984. Вып. XVIII. С. 116–130 [Sedov A.V., Kerzum A.P. Excavations in the Beshkent Valley in 1978. *Archaeological Work in Tajikistan*. 1984. Iss. XVIII. Pp. 116–130 (in Russian)].

Сеитов А.М. Поясные пряжки раннесарматского времени Тургая. *Самарский научный вестник*. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 141–146 [Seitov A.M. The Belt Buckles of the Early Sarmatian Period of Turgai. *Samara Journal of Science*. 2020. Vol. 9. No. 1(30) Pp. 141–146 (in Russian)].

Сергацков И.В. Раскопки курганов на Иловле. *Древности Волго-Донских степей*. 1990. Вып. 1. С. 26–29 [Sergatskov I.V. Excavations of Burial Mounds on Ilovlya. *Antiquities of the Volga-Don Steppes*. 1990. Iss. 1. Pp. 26–29 (in Russian)].

Сергацков И.В. Находки в зверином стиле из сарматских курганов на Иловле. *Нижневолжский археологический вестник*. 1999. Вып. 2. С. 36–41 [Sergatskov I.V. Animal Style Finds from Sarmatian Burial Mounds on Ilovlya. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 1999. Iss. 2. Pp. 36–41 (in Russian)].

Сергацков И.В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья. *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 58–64 [Sergatskov I.V. Swords and Daggers in the Middle Sarmatian Monuments of the Lower Volga Region. *Sarmatian Weapons: Regional Typology and Chronology*. Chelyabinsk: YUUrGU, 2007. Pp. 58–64 (in Russian)].

Скрипкин А.С. О характере восточных связей кочевников раннего железного века волго-донских и северокавказских степей. *Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов*. Краснодар-Анапа: Крайбибколлектор, 2001. С. 180–182 [Skripkin A.S. The Nature of the Eastern Connections of the Early Iron Age Nomads of the Volga-Don and North Caucasian Steppes. *Third Kuban Archaeological Conference. Abstracts of the Reports*. Krasnodar-Anapa: Kraibibcollector, 2001. Pp. 180–182 (in Russian)].

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М.: Наука, 1973. С. 166–179 [Smirnov K.F. Incense Burners and Toilet Vessels of Asian Sarmatia. *The Caucasus and Eastern Europe in Antiquity*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 166–179 (in Russian)].

Смирнов К.Ф. *Сарматы на Илеке*. М.: Наука, 1975 [Smirnov K.F. *Sarmatians on Ilek*. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. *Раннесарматская культура*. М.: ИА РАН, 1997 [Statistical Processing of Burial Monuments of Asian Sarmatia. Vol. II. *Early Sarmatian Culture*. Moscow: IA RAS, 1997 (in Russian)].

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и культуры»*. Краснодар: [б.и.], 2004. С. 3–21 [Tairov A.D. Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals in 7th – 2nd Centuries BC. *Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology: Reports of the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and Culture”* Krasnodar, 2004. Pp. 3–21 (in Russian)].

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов. *Российская археология*. 2006. № 3. С. 31–40 [Tishkin A.A., Gorbunov V.V. The Altai Mountains in the Hunnic Period: Cultural and Chronological Analysis of Archaeological Material. *Russian Archaeology*. 2006. No. 3. Pp. 31–40 (in Russian)].

Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр. *Кочевники на границах Хорезма*. М.: Наука, 1979. С. 101–110 [Trudnovskaya S.A. Early Burials of the Southwestern Kurgan Group of the Tuz-gyr Burial Ground. *Nomads on the Borders of Khorezm*. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 101–110 (in Russian)].

Филанович М.И. Древний Чач на пути евразийских миграций номадов. *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара*. Ташкент: Noshirlik yug’disi Press, 2010. С. 204–216 [Filanovich M.I. The Ancient Chach on the Way of Euro-Asian Migrations

of Nomads (Archaeological Data and Historical Tradition). *The Traditions of East and West in the Antique Cultures of Central Asia. Papers in Honor of Paul Bernard*. Tashkent: Noshirlik yog'disi Press, 2010. Pp. 204–216 (in Russian)].

Хазанов А.М. *Очерки военного дела сарматов*. М.: Наука, 1971 [Khazanov A.M. *Essays on the Military Affairs of the Sarmatians*. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian)].

Харинский А.В. Елгинские захоронения Прибайкалья. *Известия лаборатории древних технологий*. 2014. № 3(12). С. 19–43 [Kharinsky A.V. Elga Type Burials of Baikal Region. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2014. No. 3(12). Pp. 19–43 (in Russian)].

Хлопин И.Н. Античные погребения на среднем течении Сумбара. *Известия АН ТССР. Серия общественных наук*. № 3. Ашхабад: Ылым, 1979. С. 75–82 [Khlopin I.N. Ancient Burials on the Middle Reaches of Sumbar. *Proceedings of the Academy of Sciences of the TSSR. Social Sciences Series*. No. 3. Ashgabat: Ylym, 1979. Pp. 75–82 (in Russian)].

Шарапова С.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья. *Нижневожский археологический вестник*. 2022. Т. 21. № 1. С. 171–192 [Sharapova S.V., Malashev V.Yu. The 1st–3rd AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2022. Vol. 21. No. 1. Pp. 171–192 (in Russian)].

Шилов В.П. *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Л.: Наука, 1975 [Shilov V.P. *Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region*. Leningrad: Nauka, 1975 (in Russian)].

Шилов В.П. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями. *Материалы по археологии Калмыкии*. Элиста: Калмыцкий институт общественных наук АН СССР, 1991. С. 21–66 [Shilov V.P. Connections between the Ancient Population of the Kalmyk Steppe and its Northwestern Neighbors. *Materials on the Archaeology of Kalmykia*. Elista: Kalmytsky institut obschestvennykh nauk AN SSSR, 1991. Pp. 21–66 (in Russian)].

Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте. *Археология Приаралья*. 1982. Вып. 1. С. 39–81 [Yagodin V.N. Archaeological Study of Kaskazhol and Berniyaz Burial Mounds on Ustyurt. *Archaeology of the Aral Sea Region*. 1982. Iss. 1. Pp. 39–81 (in Russian)].

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology*, 5. U. Brosseder, B.K. Miller (eds.). Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. Pp. 349–424.

Sono T., Fukai S. Dailaman III. The Excavation at Hassane Mahale and Ghalekuti, 1964. *The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition*. Report 8. Tokyo: The Institute of Oriental Culture, 1968.

Stöllner T, Samašev Z. Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКОРОКОВ Константин Сергеевич –
младший научный сотрудник Института
археологии РАН, Москва, Россия.

Konstantin S. OKOROKOV, Junior Research
Fellow, Institute of Archaeology, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

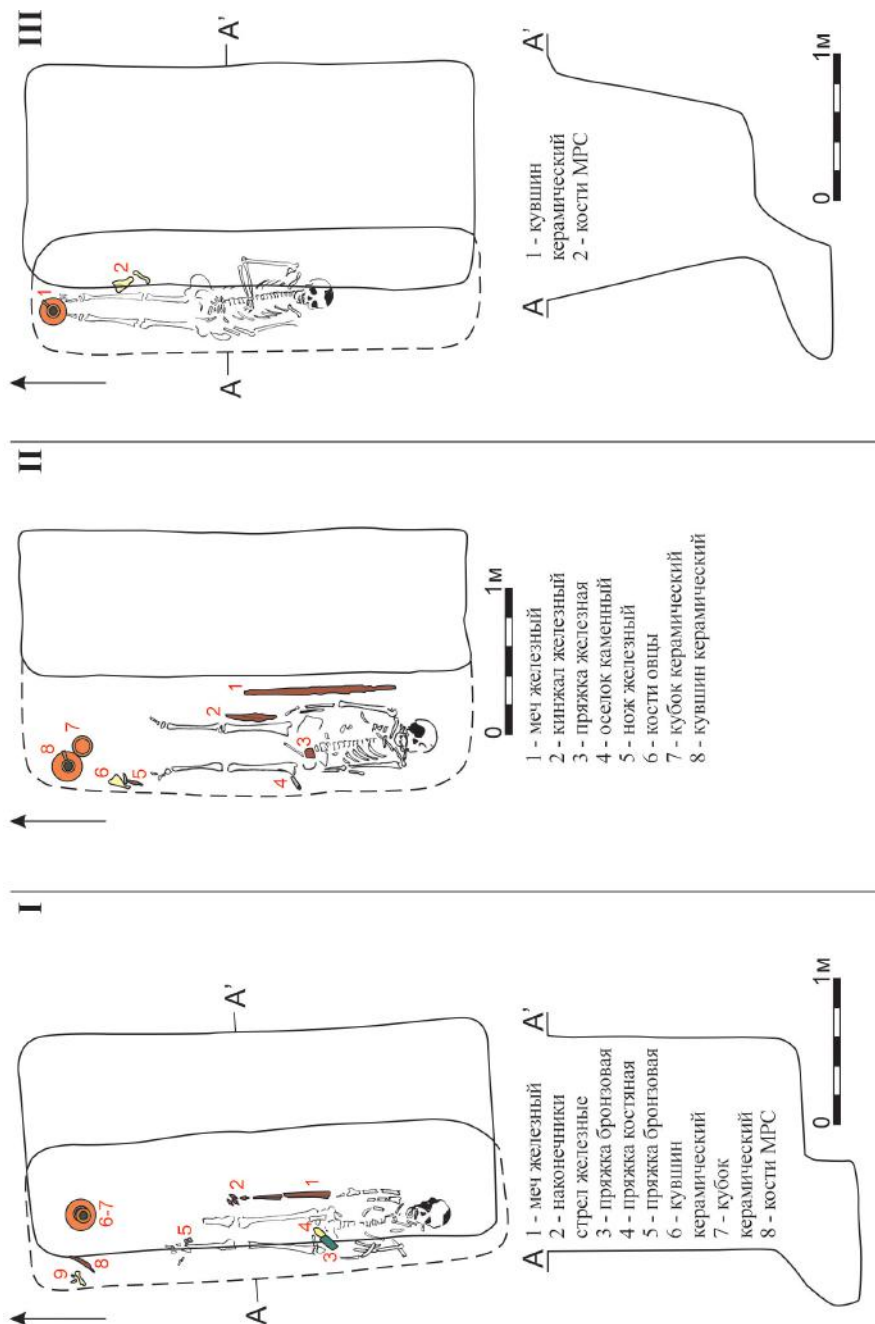

Рис. 2. Планы погребений: I – курган 2; II – курган 4; III – курган 7

Fig. 2. Plan of burials: I – mound 2; II – mound 4; III – mound 7

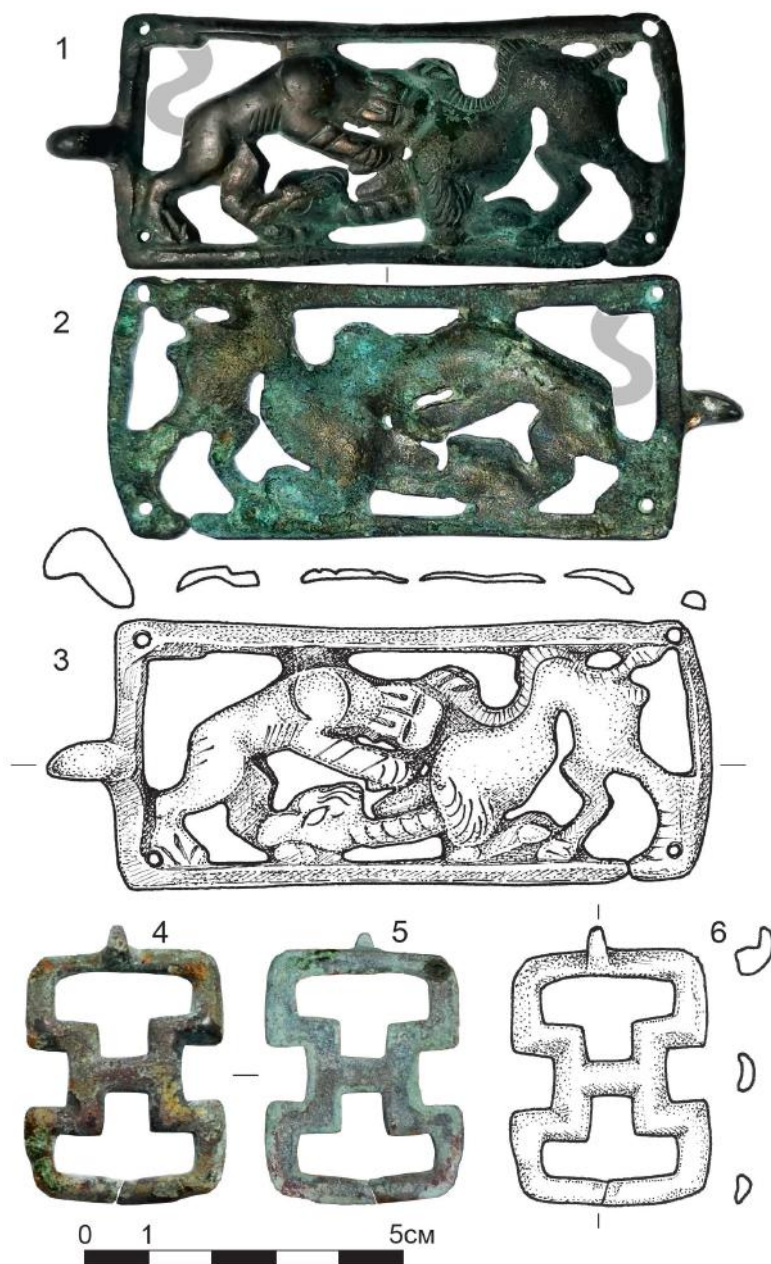

Рис. 5. Бронзовые пряжки из кургана 2. Поясная пряжка с изображением схватки тигра и верблюда:

1 – лицевая сторона; 2 – обратная сторона; 3 – рисунок К.С. Окорочкова.

Портупейная пряжка: 4 – лицевая сторона; 5 – обратная сторона; 6 – рисунок К.С. Окорочкова

Fig. 5. Bronze buckles from mound 2. Belt buckle depicting a tiger and camel fight: 1 – front side;

2 – reverse side; 3 – drawing by K.S. Okorokov. Belt buckle: 4 – front side; 5 – reverse side;

6 – drawing by K.S. Okorokov